

50 лет ООН

А БЫЛА И КУРТУАЗНОСТЬ...

Один из самых крупных юристов-международников России, видный советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.С.Пирадов делится своими воспоминаниями о годах работы в ООН и ее системе*.

МЖМП. Вы как-то обмолвились, что в работе ООН бывали и чисто детективные сюжеты. Конечно, это, вероятно, не связано с разработкой нормативной базы Организации. Но все же, что в эти ваши годы работы в системе ООН случалось необычное?

А.С.Пирадов. Да, в этот период нашей работы в ООН случались и чисто детективные истории. И здесь нужны были не только дипломатические способности, но приходилось показывать характер, проявлять чисто человеческие качества в общении с окружающими. Две истории, пожалуй, стоит рассказать.

Однажды американцы пригласили советскую делегацию в Бразилию, где осуществлялась совместная американо-бразильская программа запусков космических аппаратов по программе ООН с бразильского космодрома в районе Сан-Пауло.

Приезжая в Рио. Нас встречает советский посол Сергей Сергеевич Михайлов. Только встреча такая странная. Вокруг него эдаким треугольником, острие которого обращено к нам, расположились дипломаты — сотрудники нашего посольства в Бразилии. Я их знал по предыдущим встречам. А теперь смотрю: лица у всех настороженные, а правая рука каждого — в кармане брюк. «Что случилось?» — спрашиваю посла. «Не обращайтесь внимания, — говорит он. — Просто необходимые меры предосторожности. Тут у

---

* Окончание. Начало см. в № 4 нашего журнала за 1995 год.

нас, в Рио-де-Жанейро, три дня назад экстремисты похитили, а затем убили германского посла».

На следующий день на машинах мы поехали в Сан-Пауло. Ехать надо было часов пять. Выехали за город, несемся по шоссе. Спрашиваю водителя: «А Вы успели позавтракать?» «Нет, — отвечает. — Но ничего, в Сан-Пауло сразу пообедаем». «Нет, — говорю ему. — Останавливайте машину около ближайшего придорожного ресторанчика, и мы позавтракаем». Хозяева местного заведения, узнав, что мы из Советского Союза, зарезали барашка, и завтрак растянулся на два часа. Но это обстоятельство как раз нас и спасло. Приехали в Сан-Пауло, а в здании Генконсульства встречает нас с лицом белее снега наш консул. «Что с Вами?» — я к нему. А он: «Как хорошо, что Вы приехали с опозданием! Только что от нас ушли грабители. С пистолетами, в масках, все как полагается. Вошли и поставили всех наших сотрудников лицом к стене. «Деньги!» — требуют. Бросил им ключи от сейфа. Вычистили все и ушли. Если бы Вы приехали на час раньше, то всех вас уже не было бы в живых. Один из бандитов стоял у входа и готов был открыть огонь по любому, кто войдет в дом в момент ограбления». Вот вам и завтрак в таверне. Случайность и водитель без завтрака помогли спасти жизни.

Вторая история произошла на заседании Комитета ООН по космосу. Американцы высадились на Луне. Фурор, ажиотаж на телевидении и в печати. Естественно, и на заседании со всех сторон в адрес американцев поступают поздравления. Советская делегация сидит почти впритык к американской. Между нами только англичане. Они уже поздравили делегацию США. Мы молчим. Выступают представители других великих держав. Мы молчим. А молчим-то мы потому, что нет директив из Москвы. Ракета опустилась на Луне в момент заседания комитета. Выступают какие-то азиаты. Мы молчим. Собственно, молчу я, поскольку я руководитель советской делегации, и если кому-то надо говорить от имени СССР, так это мне. Выступают латиноамериканцы. Мы молчим. А что остается делать? Во мне борение страстей: с одной стороны, нормальное человеческое чувство радости за тот огромный шаг, который сделало человечество в космосе. Пусть этот шаг и американский. А с другой стороны, не могу, нет решения Политбюро на то, чтобы официально приветствовать американцев. Выступают уже африканцы. И тут я поднимаю руку, поскольку вижу перед собой десятки пар вопрошающих глаз. Дают мне слово. Медленно начинаю говорить. От имени рабочих, инженеров и техников Советского Союза, от имени правительства... в общем, все как полагается. Но без директив. Приехал в нашу миссию после заседания. Просят зайти к Я.А.Малику. Он тогда был постоянным представителем СССР при ООН. Рассказал ему все. «А что, — говорю, —

сидеть, как белая ворона, и набрать в рот воды, как будто я немой и слепой — не вижу и не хочу видеть, что происходит?» Он меня поддержал, но сказал при этом: «Полагаю, что пронесет». И действительно пронесло. Политбюро через три дня приняло решение о том, что американцев надо поздравить. И все потому, что была тогда холодная война.

Сейчас это, пожалуй, кажется смешным. Обыкновенные человеческие чувства мне нельзя было выразить без директивы из центра.

МЖМП. На протяжении тех многих десятилетий, которые Вы проработали в ООН и для ООН, Вы, вероятно, встречались со многими людьми, в том числе и с теми, кого принято называть «историческими личностями». Не могли бы Вы хотя бы в нескольких словах вспомнить об этих встречах и об этих людях?

А.С.Пирадов. Об Андрее Андреевиче Громыко я уже говорил. Он, конечно, был самой крупной фигурой из числа советских дипломатов, которые вошли в историю страны и ее внешней политики.

Далее — Молотов. Он был и Председателем Совнаркома. Однако на посту руководителя внешнеполитического ведомства он провел всего тринадцать лет, в то время как Громыко — двадцать восемь. Конечно, не только количество лет определяет вес и влияние того или иного политика на историю, но и оно тоже. Что же касается дел, то в период Молотова была война, а в период Громыко — холодная война, а затем разрядка международной напряженности.

Встретился я с Молотовым впервые близко 15 сентября 1947 г. Дело в том, что на этот день была назначена торжественная церемония принятия в МИД СССР ратификационных грамот мирных договоров держав-победителей с сателлитами Германии — Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. «Итальянские грамоты» принимала Франция.

Обратите внимание на дату. Сентябрь — это тот месяц, когда ежегодно каждый третий вторник по Уставу ООН открывается очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Так было и в том памятном 1947 году. Только для меня лично это обстоятельство, что называется, «боком вышло».

Судите сами. За несколько дней до 15 сентября меня вызвал к себе первый заместитель министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. Тогда еще МИД размещался на Кузнецком мосту. Я поспешил к нему в кабинет — был уверен, что речь пойдет о деталях моей работы на Генеральной Ассамблее ООН, поскольку это должен был быть мой первый выезд в ООН. Но Вышинский вылил на меня ушат холодной воды: «Вы не поедете в ООН!» «За что?!» — удивленно промямлил я. «Не за что, а почему?» — поправил он меня. И сразу ответил: «Потому что все наши опытные юристы во главе с Голунским, начальником Договорно-

правового управления, Дурденевский, даже Крылов, который баллотируется в Международный Суд от СССР, — все уезжают на Генеральную Ассамблею ООН. А Вы будете исполнять обязанности начальника юристов в МИДе». «Но я не знаю этой работы, не умею, в конце концов. Никого не будет, с кем можно будет посоветоваться», — пытался возражать я. Вышинский начал злиться: «Мы с Молотовым думали, прежде чем решать, кто будет заниматься этими проблемами. Так что идите и работайте».

Так вместо сессии Генеральной Ассамблеи ООН мне сразу же пришлось заниматься проблемами, связанными с окончанием войны в Европе. А обстановка была такой. В Германии работала Союзная контрольная комиссия. В нее входил от Советского Союза маршал Жуков, от США — Эйзенхауэр и т.д. А со странами — сателлитами Германии были заключены соглашения о перемирии, которые в Париже 10 февраля 1947 г. были заменены на мирные договоры. С февраля по сентябрь проходил процесс их ратификации в странах. И вот в сентябре наступил момент сдачи на хранение ратификационных грамот. Документы о ратификации мирного договора с Италией сдавались в Париже в МИД Франции. Аналогичные документы по договорам с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией — в Москве, в МИД СССР. Мне и пришлось вступать в переговоры по поводу предстоящей церемонии и существования проблемы со всеми зарубежными представителями, уполномоченными на то своими странами. От США это был посол Смит, от Великобритании — посол Робинс и т.д. Сложнее всего было с англичанами. Они почему-то потребовали, чтобы мирные договоры вступали в законную силу с 0 часов следующего дня, но по Гринвичу. Мы настояли — и тут пришлось привлекать к переговорам Вышинского и известного дипломата Малика, — чтобы все произошло по московскому времени.

Наконец все было готово и наступил торжественный момент, когда требовалось оформить процедуру сдачи ратификационных грамот на хранение в МИД СССР протоколом. Собралась армада корреспондентов, фотографов, киношников. От Советского Союза протокол подписывал министр, то есть Молотов. Я, как представитель руководства Договорно-правового управления, руководил всей церемонией. Первым к подписанию представляется протокол о принятии грамот по мирному договору с Финляндией. Неожиданно слышу сзади разговор. Говорит посол США Уолтер Беделл Смит. Да, да. Это тот самый Смит, который после возвращения из СССР в начале пятидесятых годов на несколько лет стал директором ЦРУ. Его речь быстро и четко, практически синхронно переводит посол Трояновский, чтобы слышал Молотов: «Господин министр, предлагаю Вам взять мою ручку. Это — новый «паркер» с золотым пером, что будет

соответствовать торжеству момента». Однако Молотов вежливо отклоняет предложение: «Нет, уж мы своим простым советским пером подпишем». И тянется к нашей ручке, простой, с обыкновенным школьным пером-«уточкой», которую заранее подготовил к этой церемонии наш управляющий делами Еськов. Ручка лежит рядом с огромной старинной чернильницей из толстеного стекла. А в ее широкое горло от души, до краев налиты чернила. Естественно, Молотов мокает ручку в чернильницу, опускает ее на бумагу, и тут же по протоколу разливается огромное фиолетовое пятно.

Меня охватывает ужас. «Прощай, МИД! Прощай, ООН! — проносится в мозгу. — Сколько же лет мне дадут за эту диверсию?» А тут еще слышу четкий голос Молотова. Он материт меня так, как это делает профессиональный ломовой извозчик или пьяный матрос с разбитого корыта. Но я нахожу в себе силы взять в руки пресс-папье и промокнуть огромную кляксу. Вокруг стрекочут кинокамеры, бушуют фотовспышки — журналисты работают. Никто из них не замечает кляксы на документе, никто не слышит министерской площадной брани.

Уже потом меня пригласили на студию кинохроники и показали короткий фильм об этом событии. Я всматривался во все глаза в Молотова, чтобы уловить движение его губ во время подписания, но так ничего не уловил. Оказывается, высокое мастерство надо иметь, чтобы материться сквозь зубы и сквозь губы, а на лице ни один мускул не шевелится: не видно, что за кренделя в это время выкомаривает язык. На этой церемонии присутствовал тогда совсем юный Олег Николаевич Хлестов, ныне профессор и один из светлых умов в современной науке международного права. Он тоже, вероятно, все это помнит.

Но самое интересное: я после всей этой истории нисколько не пострадал. Спас меня Борис Федорович Подцероб. Он был старшим помощником министра, и ему удалось представить все происшедшее Молотову как недоработку технических служб. Хотя я внутренне себя корил, что не проверил все сам перед подписанием, ощущал свою вину. Тем не менее за эту работу я получил благодарность от министра и денежную премию в размере двух окладов.

Что же касается цензурной брани, то на работе в МИД того периода я, пришедший в аппарат министерства после войны, часто вспоминал лексику своего армейского старшины Бобыля. Она и в подметки не годилась тем словесным матерным выкрутасам, которые употребляли Молотов и другие. Тогда у нас втихоря говорили, что все шло от Сталина. Именно он матерился в своем кругу самым страшным образом.

А я ведь помню Вышинского еще и в роли оратора на трибуне ООН. Он был и министром иностранных дел СССР, и постоянным

представителем СССР при ООН. Великолепный оратор, блестящий полемист, он оставил яркий след в памяти всех его знавших. Знатор латыни, он, как бисером, «обшивал» свою речь латинскими цитатами. И в то же время позорным пятном в его биографии осталось время его прокурорских речей, тоже пересыпанных стекляшками латыни, на процессах «врагов народа» в конце тридцатых годов. Таким и остался он в истории нашей страны — символом марксистского единства противоположностей: грозно-гневным прокурором-убийцей невинных и блистательным дипломатом-трибуном. Кажется, что мимо него проходит вереница жертв со словами римских гладиаторов на устах: «Ave, cesar, morituro te salutant!» («Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!»).

Хрестоматийным стал ответ Вышинского министру иностранных дел Великобритании Эрнсту Бевину. Тот как-то решил подкузмить советского министра и сказал: «Что же это получается, господин Вышинский? Я — выходец из рабочих — защищаю интересы капиталистов, которые правят Британией, а Вы — потомственный дворянин — отстаиваете интересы государства рабочих и крестьян». Вышинский парировал мгновенно: «Значит, мы оба изменили своему классу».

Кстати, и Вышинский, и Молотов закончили свою дипломатическую карьеру на постах, тесно связанных с ООН. Вышинский умер в 1954 году, когда работал постоянным представителем СССР при ООН. А один из последних дипломатических постов Молотова — постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии — международной организации системы ООН, единственной международной организации в мире, которая имеет право выхода непосредственно на Совет Безопасности ООН.

Молотов был назначен на этот пост в 1960 году. Тогда ему было уже семьдесят. Жил он в Вене, где находилась штаб-квартира МАГАТЭ, жил тихо, старался быть незаметным. Тем не менее постоянно находился под прицелом репортеров. Бывший член «антипартийной группировки», легендарный «сталинист» — журналисты не давали ему прохода. А он был обыкновенный человек, на котором лежал груз его прошлой всемирной славы. Рассказывали об анекдотических ситуациях, в которых он оказывался. Разговаривал я как-то с дипломатом, который жил с ним на одной лестничной площадке в венском доме советских дипломатов. Он рассказывал, что пришел однажды домой и застал Молотова перед дверью его квартиры. «Что с Вами, Вячеслав Михайлович? Почему Вы здесь?» — «Да вот, не могу войти в дом, а жены нет дома». — «Что, и ключа нет?» — «Ключ-то есть, но я не могу открыть». — «Что, сломался?» — «Ничего не сломалось. Просто я никогда не открывал дверь ключом. Не знаю, как его вставлять и как вертеть». Сосед взял ключ и легко

открыл дверь. Нормальный человек не может понять, что можно прожить на свете десятки лет и ни разу за все эти десятилетия не открывать дверь ключом, не зная, как это делается.

Тот же дипломат рассказывал, как однажды он вернулся с работы домой и увидел, что дверь в квартиру Молотова открыта и оттуда доносятся звуки веселого фокстрота. Он заглянул и увидел, как его сосед в обнимку с женой, тоже немолодой, лихо пританцовывает под эту музыку. «Что случилось? — не выдержал сосед. — Почему такой праздник?» «А Вы не читали газет?» — вопросом на вопрос ответил танцор. Оказывается, в бульварной австрийской газете в небольшом сообщении говорилось, что в Москве готовится государственный переворот и после него победители «призовут Молотова вернуться во власть».

Он проработал в Австрии два года. Ажиотаж вокруг его личности был нездоровым. У дома, где он жил, постоянно дежурила команда журналистов, а когда прошел слух, что он скоро уедет, численность их стала расти. Нашим дипломатам пришлось разрабатывать специальный план по его эвакуации. Везти его на вокзал не было смысла, поскольку перед отходом каждого поезда на Москву на вокзале тоже скапливалась толпа репортеров. В день отъезда во двор его дома въехало несколько машин с зашторенными стеклами. В одну из них сел Молотов с супругой. Одна за другой машины стали выезжать из ворот дома. За первой бросилось много машин репортеров, за второй — поменьше. За третьей — уже никого! И вот эта третья, с пассажирами, — поехала к австро-венгерской границе. А там на маленькой пограничной станции знаменитый пассажир с супругой вошел в поезд. Произошло все это в 1962 году. Он прожил еще много лет, но уже нигде не работал.

МЖМП. А с кем из зарубежных исторических личностей современности свела Вас судьба?

А.С.Пирадов. Давайте поговорим о Курте Вальдхайме.

Где-то в фамильном поместье на австрийской земле тихо доживает свой век этот уже бывший Генеральный секретарь ООН. Всего в истории ООН шесть Генеральных секретарей, но только трое из них побывали на этом посту по десять лет. К «восшествию на престол» одного из них — Курта Вальдхайма — мне довелось иметь отношение. Как известно, Генеральный секретарь назначается Генеральной Ассамблеей ООН по рекомендации Совета Безопасности на пять лет с правом повторного назначения на такой же период. В ноябре 1971 года истекал повторный срок у Генерального секретаря У Тана. ООН готовилась к назначению нового Генерального секретаря. Для этого требовалась рекомендация Совета Безопасности при единогласии пяти великих держав.

На фотографии надпись на английском языке:
«Профессору Александру Пирадову с горячим приветом и наилучшими пожеланиями.

Курт Вальдхайм.
Март 1973»

А Курт Вальдхайм к тому времени был в ООН фигурой достаточно известной. В течение ряда лет он председательствовал в Комитете ООН по мирному исследованию и использованию космического пространства. Наступает время подготовки к определению фигуры нового Генсека. Однажды после заседания он подходит ко мне и говорит: «Мне хотелось бы, чтобы при выборах Генерального секретаря ООН мою кандидатуру поддержала Москва. В ответ обещаю быть верным проводником предложений СССР при урегулировании вопросов безопасности и мира». Я удивился: «Почему Вы обращаетесь именно ко мне? Ведь есть официальный представитель СССР при ООН — Яков Александрович Малик. Это вопрос его компетенции. Он и даст соответствующую телеграмму в Москву». Но Вальдхайм все в том же доверительном тоне, который был рассчитан на то, чтобы обезоружить человека, продолжил: «Знаю я цену этим официальным телеграммам. А Вы сможете использовать свои родственные связи». Тут уж, как говорится, и крыть было нечем. Посмотрел на него в упор, а он, глядя мне в глаза, повторил: «Если Вы меня поддержите и я буду избран, то я буду верно служить Советскому Союзу, который борется за мир».

Мы встречались с ним до выборов Генерального секретаря ООН еще не раз и обсуждали эту проблему. Однажды он сказал: «Меня приглашают баллотироваться в президенты Австрии. Как Вы думаете, что лучше: быть президентом Австрии или Генеральным секретарем ООН?» Мой ответ: «Как президент Австрии, Вы будете служить своему народу. А на должности Генерального секретаря ООН Вы будете работать на дело мира для всего человечества».

В другой раз он в порыве откровенности заявил: «Если я буду избран, Вы будете приезжать и жить у меня в особняке, который мне подарили американцы». Он очень хотел занять этот пост. И он занял его. Конечно, с помощью Советского Союза.

Когда он был избран, я послал ему большую корзину с цветами. А затем одним из первых пришел в кабинет Генерального секретаря ООН, чтобы лично поздравить его. Он был искренне счастлив, благодарил, говорил, что сдержит свое слово и выполнит все свои обещания. А Вы не замечали, как легко было работать Советскому Союзу в ООН, когда Курт Вальдхайм в течение десяти лет оставался Генеральным секретарем этой организации?

Так же как космическое право во многом состоит из советских предложений и частично из совместных советско-американских, и все это во многом благодаря Курту Вальдхайму, так и нормы общего публичного международного права формулировались во многом из советских предложений в те времена, когда тот же Курт Вальдхайм являлся Генеральным секретарем ООН. У него всегда можно было найти поддержку. Он не только ее оказывал, но и находил

дополнительные аргументы в пользу нашей точки зрения, можно сказать даже так: Курт Вальдхайм на посту Генерального секретаря ООН оказался большой победой советской дипломатии. Советские дипломаты решали все вопросы с ним всегда при хорошем взаимопонимании.

МЖМП. В свое время Вы были одним из немногих советских дипломатов, ооновские речи которых в обязательном порядке публиковались в газетах «Правда» и «Известия». Не могли бы Вы вспомнить что-либо в связи с этим?

А.С. Пирадов. Да, это так. Но публиковали мои речи не потому, что это — Пирадов или что мне удалось договориться с редакциями газет и купить площадь для публикации, как это делают сейчас в рекламных целях «новые русские». Покупка подобного рода исключалась. В «Правде» и «Известиях» не было отделов рекламы. Они выходили обычно на четырех страницах, и материалы такого рода, как речи советских представителей в ООН и ее органах, публиковались в этих газетах лишь по решению Политбюро или Секретариата ЦК КПСС. Отдел пропаганды ЦК, который руководил всей печатью, радио и телевидением, определял, что и в каком объеме подлежало опубликованию. Задача состояла в том, чтобы читатель, зритель, слушатель получал дозированную информацию по вопросам внутренней и внешней политики Советского Союза, в том числе в ООН. Космос тогда считался одним из основных направлений по внешней политике. Государство на него денег не жалело. Он наряду с ядерной энергетикой считался престижной отраслью. Потому и на международной арене два этих направления вошли в разряд элитарных. Потому и речам, связанным с этими направлениями, придавалось особое значение. Они специально готовились, и их потому и публиковали. Точнее, не все речи, а скорее выдержки из них.

Здесь мне хотелось бы вспомнить мою маму. Она проявляла трогательную заботу обо мне и собирала все газеты с моими выступлениями. А на полях газет делала свои приписки, маленькие комментарии. Естественно, она тосковала о сыне: я находился в Нью-Йорке, она — в Москве. Зато, когда приезжал, вся нежность и радость материнского сердца ощущались в том ворохе газет. Она преподносила их мне с особой торжественностью.

А потом появились толстые книги. Сейчас их покажу (*вытаскивает из шкафа объемные фолианты — сборники основных документов и материалов по вопросу о мирном исследовании и использовании космоса, изданные МИДом и Политиздатом. В них опубликованы его речи или выдержки из его выступлений в различных органах ООН*). В них опубликованы мои выступления в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, в Комитете ООН

по космосу и в юридическом подкомитете Комитета по космосу. Все эти речи мне памятни и дороги. Они были посвящены развитию нашей космонавтики и тем задачам, которые ставились перед членами ООН в ходе развития сотрудничества стран — ее членов в области использования космоса в мирных целях. Себя цитировать как-то неудобно, но одну цитату из Циолковского, которую я привел в выступлении в ООН 17 декабря 1968 г., мне хотелось бы привести, несмотря на то что она и без того очень популярна: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет для себя все околосолнечное пространство».

МЖМП. Кстати, Вы не могли бы рассказать, как разрабатывалась та или иная позиция СССР по какой-то норме космического права, которую предстояло отстаивать в ООН? Об этой стороне вопроса практически ничего не говорилось в нашей открытой литературе.

А.С.Пирадов. Да, Вы правы. Это не простой вопрос. Согласование общей точки зрения внутри страны тоже требовало колоссальных усилий. Любая внешнеполитическая акция, в том числе норма международного права, которую предстояло разрабатывать или внедрять, исходила от ЦК КПСС или одобрялась им. А в ЦК этим занималось Политбюро. Оно делало это либо на своих заседаниях раз в неделю, либо, если дело не требовало отлагательства, опросным порядком. То же относится ко всей проблематике внешнеполитических акций по сотрудничеству в космосе, в том числе и по разработке норм космического права. Для того чтобы разрабатывать единую советскую точку зрения в этих проблемах и была создана Межведомственная комиссия по правовым вопросам освоения космического пространства. Долгое время ее возглавлял известный советский дипломат, заместитель министра иностранных дел СССР Семен Павлович Козырев. А сама она, эта комиссия, как бы выросла из той первой комиссии при Академии наук СССР. В состав этой новой комиссии входили представители военных и госбезопасности, военно-промышленного комплекса и ряда отраслевых министерств, Главного управления картографии и Минздрава. В общем, это была широкопредставительная комиссия. Мне довелось в течение почти десятка лет возглавлять эту академическую комиссию, выезжать в составе советской делегации на заседания Комитета по космосу ООН. А в 1972 году меня назначили представителем СССР в этом Комитете ООН, официально он назывался Комитетом ООН по использованию космического пространства в мирных целях.

Состоял он из двух подкомитетов: научно-технического и юридического. Они были созданы в 1962 году, и с момента их создания моя

работа связана с этой важной сферой международного сотрудничества и международного права. Научно-технический подкомитет осуществляет содействие в обмене информацией о космических исследованиях, стимулирует создание международных космических программ, систем спутников прикладного назначения, проводит работу по наблюдению за международными полигонами по запуску космических ракет и т.д. Юридический подкомитет, где я с 1972 года постоянно возглавлял советскую делегацию, разрабатывает универсальные международные договоры в области космического права. Даже после назначения на пост постоянного представителя СССР при ЮНЕСКО в Париже советское правительство оставило за мной и пост представителя нашей страны в Комитете ООН по космосу. Так продолжалось в течение десяти лет: я постоянно работал в Париже и оттуда вылетал на сессии комитета то в Нью-Йорк, то в Женеву. А когда Генеральным секретарем ООН был избран Бутрос Гали, он перевел все заседания Комитета ООН по космосу в Вену.

МЖМП. Вероятно, читателям нашего журнала было бы интересно знать «кухню» разработки норм международного права, в данном вашем случае — космического права. Что Вы могли бы рассказать именно об этом?

А.С.Пиравдов. Сколько норм, столько существовало и путей их выработки. Но, как правило, в нашем случае следовало искать согласия и компромиссов с делегацией США. Американцы всегда были нашими основными соперниками и оппонентами в вопросах космоса. Памятных эпизодов и случаев, когда мы находили общий язык, было много. Вот один из них.

Одно время, и довольно длительное, главой американской делегации в Комитете ООН по космосу был опытный дипломат Герберт Рис. Он хорошо относился к Советскому Союзу и был человеком добрым и сентиментальным. Однажды — дело было в Женеве — наши позиции оказались прямо противоположными и путей сближения не просматривалось. Тогда мы прибегли к такому трюку. Как-то один из членов нашей делегации подошел к американскому руководителю и как бы невзначай заметил, что, дескать, глава делегации СССР увлекается хиромантией, умеет гадать и стал в этой специфической сфере весьма компетентным специалистом. Наживка сработала, американец на нее клюнул. Подходит он ко мне в огромном фойе Дворца Наций и говорит, что его папа живет в Чикаго и очень болен, а он волнуется за его здоровье и хотел бы, чтобы я хоть чуть-чуть заглянул в будущее, как и что там будет. Отнекиваться я не стал. Наоборот, взял его руку, повернул ладонью вверх и, как заправская цыганка, начал молоть всякую ересь. Но с определенным смыслом. Говорил ему только хорошее и так, чтобы сделать человеку приятное. Очень, свидетельствуют очевидцы, у меня все по-раз-

битному получалось. Однако постепенно я перешел к деловой части «гадания». Смысл ее состоял в том, что американская делегация получит большую благодарность, если поддержит советскую делегацию с ее предложениями на переговорах. А в конце заявил, что здоровье папы американского руководителя целиком и полностью зависит от успехов на переговорах. Самое удивительное состояло в том, что он поверил. Видно было, что он убежден в правдивости всего сказанного. А затем пошло-поехало. Каждое утро он приветствовал меня взмахом руки и возгласом: «Хай-хай!» Это что-то вроде нашего фамильярного «приветик!». И получал в ответ: «Как здоровье вашего папы?» Оказалось, что тот пошел на поправку. Общая атмосфера на переговорах стала более благожелательной, и мы полностью выполнили директивы, утвержденные Политбюро ЦК КПСС.

Или вот спор с представителем Индии Рау. Когда речь шла об установлении верхней границы предельно допустимой суммы возмещения ущерба, который могут причинить запускаемые в космос объекты, Рау говорил, что верхней границей должны быть 500 миллионов долларов США. А я ему возразил: «Есть вещи, которые нельзя выразить в долларах. Они бесценны. Это Эрмитаж в нашей стране, к примеру, или Тадж-Махал в Индии». Индус с доводом согласился и свое предложение снял, а мы снова выполнили директивы Политбюро не устанавливать верхнего предела в суммах возмещения ущерба.

Тогда было такое время: и директивы, и состав делегации на переговорах или на заседаниях комитета утверждались на Политбюро. Не раз и навсегда, а сколько раз заседали, столько заново и утверждало Политбюро и состав делегации, и директивы на ее работу. Хотя, между нами говоря, вряд ли хоть один из членов этого органа представлял себе, что такое рассматриваемый предмет (ну, к примеру, геостационарная орбита).

Но зато Герберт Рис умел своей искренностью, честностью, открытостью взять, что называется, за сердце, залезть в душу и разодрать ее в клочья. Такой момент мы, члены советской делегации, пережили, когда из-за разгерметизации кабины в космосе погибли три советских космонавта — Добровольский, Пацаев и Волков. Когда стало известно о их гибели, делегации в комитете начали выражать соболезнование. Теплее всех и проникновеннее говорил американец. На сердце легли его простые человеческие слова: «Мы ждали нового успеха. Даже приготовили цветы. А вместо этого планета плачет». Члены нашей делегации сидели со слезами на глазах, от боли сжималось сердце.

И вообще атмосфера сотрудничества в Комитете по космосу нашей и американской делегаций была удивительно доброжелательной и теплой. А это ведь в самый разгар холодной войны.

Наверное, поэтому, как только Горбачев пришел к власти и министром иностранных дел стал Шеварднадзе, первое, что сделал в области внешней политики новый министр, — поставил задачу улучшить отношения с Соединенными Штатами любым путем. Это происходило нелегко. Как проще всего можно начинать? Конечно, через сотрудничество по вопросам космоса. Меня вызвали к новому министру. Суть его задания сводилась к следующему: «Соберите лучшие силы специалистов по космосу: академиков, инженеров, космонавтов, юристов. Поезжайте в США. Нам надо начать налаживать отношения с Соединенными Штатами». Пришлось по-морскому «свистать наверх!» старую гвардию и дважды встречаться с американцами, но поручение министра мы выполнили.

МЖМП. Вы не могли бы назвать тех ученых, которые успешно занимались разработкой норм космического права со стороны нашей страны в структурах ООН? Ведь именно там рождались эти нормы, не так ли?

А.С.Пирадов. Да, именно так. В основном там. А советский коллектив, работавший над созданием правовых норм, именуемых нормами космического права, состоял из высокочастотных, высококвалифицированных юристов-международников, окончивших в разное время международно-правовой факультет МГИМО. С удовольствием назову их имена: Владимир Алдошин, Эра Жукова, Елена Каменецкая, Юрий Колосов, Борис Майорский, Юрий Рыбаков, Андрей Терехов и многие другие. Все они очень разные по характеру, как и полагается быть ярким индивидуальностям, но их цементировала, сплачивала воедино в общий волевой сплав великая цель — интересы космической державы — Советского Союза. В теоретических вопросах нам оказывали значительную помощь профессор Геннадий Жуков и Георгий Задорожный. А у истоков космического права, зачинателем-первооткрывателем начала начал космического права был, несомненно, мой учитель, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Евгений Александрович Коровин. Кстати, он был первым председателем Комиссии Академии наук СССР по правовым вопросам межпланетного пространства.

В работе научно-технического подкомитета принимали участие такие светила нашей науки, как академики Благоврадов, Федоров — один из папанинцев, действительный член Академии медицинских наук Газенко, многие другие. А в юридическом подкомитете неоценимую помощь нам все время оказывал заместитель постоянного представителя СССР при ООН Платон Дмитриевич Морозов, который впоследствии стал членом Международного Суда ООН от Советского Союза. В общем, космосом занимались наиболее одаренные в своей отрасли науки люди.

МЖМП. А теперь необычный вопрос. Известно, что дипломатическая служба тесно переплетается с разведкой. Вы только что сами вспомнили об американском после — разведчике Смите. Под крышей посольства и представительств выют гнезда различные спецслужбы. Деятельность их зачастую связана со скандальными разоблачениями. Как в этом плане выглядит ООН? Не приходилось ли Вам лично сталкиваться с соответствующими представителями разведок? Что Вы могли бы вспомнить об этом?

А.С.Пирадов. Да, Вы правы. Разведчики зачастую скрываются под личиной дипломатов. А ООН — это, образно говоря, клоака, где клубком сплелись все разведки мира. Один поучительный эпизод в этой связи могу вспомнить.

Работал я тогда постоянным представителем СССР при ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) — специализированном учреждении ООН, которое в ряду таких учреждений ООН всегда значится под номером один. Там я познакомился с американцем Константином Варваривом. Был он родом из украинского Львова. Настоящая фамилия его была Варварин, но по каким-то соображениям он последнюю букву фамилии поменял. Вместо «н» стал писать «в». Может, это связано с особенностью украинского языка. Как относящийся к какой-то Варваре, то есть «Варварин», по-украински и будет «Варварив». Мне доложили, что он профессиональный американский разведчик, сотрудник ЦРУ, скрывающийся в ЮНЕСКО под видом американского дипломата. Конечно, он знал несколько языков, в том числе русский, английский, французский.

Было известно, что в годы нацистской оккупации во Львове он работал в немецком гебитс-комиссариате, и там же работала переводчицей его жена. Он якобы участвовал в пытках советских граждан, а жена переводила их допросы. За несколько дней до освобождения города Советской Армией муж и жена бежали из города. Через известное время они оказались в США.

Там новоиспеченный эмигрант сделал успешную карьеру. Он окончил знаменитый Массачусетский политехнический институт и затем попал в штат ЦРУ. Его направили в мюнхенскую школу ЦРУ, которую он тоже окончил. Новые хозяева ему, видно, очень доверяли, если послали его на контакты с советскими представителями — дипломатами, работавшими в международных организациях системы ООН. Да и он сам, чувствовалось, не очень переживал за свое прошлое, вероятно, представлял, что на звание «военный преступник» он не потянет. Но на своих американских хозяев работал исправно.

Варварив вышел на меня в Париже. Его цели были откровенно ясны: ему нужно знать директивы Москвы по всем важнейшим

политическим и дипломатическим вопросам. Однако в беседах с ним я почувствовал, что он тоже знает много об американских позициях и директивах. Я поделился информацией со своим руководством МИД в Москве, и мне рекомендовали продолжать с ним встречи и получать необходимую информацию.

Как-то попали мы в грузинский ресторанчик братьев Антадзе, единственный не только в Париже, но и во всем зарубежье. Содержали его два брата из эмиграции еще так называемой «первой волны». Младшему из братьев тогда было 79, а старшему — 89 лет. Посидели мы славно. Вино лилось рекой, укрепляя дружбу по всем канонам грузинского гостеприимства.

А результат этого визита состоял в том, что мой партнер при встречах стал уже в открытую доставать из карманов и зачитывать американские шифровки. Я тогда впервые увидел эти бумажки, представлявшие собой небольшие клочки розовой папиросной бумаги. Видел я их у него в руках в Париже, а потом в 1976 году в Найроби (Кения), где он сообщил о директивах американской делегации на международной конференции.

За информацию надо было расплачиваться взаимным обменом. И я «расплачивался». С умным видом я вытаскивал из кармана записную книжку, где у меня были внесены номера телефонов родных и знакомых, раскрывал ее на энной странице и зачитывал прописные истины о необходимости борьбы за мир, о том, чтобы стремиться налаживать более тесное сотрудничество с американцами. И знаете, это срабатывало. Срабатывало потому, что в условиях холодной войны казалось какой-то ирреальностью. Хотя в те дни эти сентенции можно было прочесть в передовицах на международные темы наших газет.

Информация от него шла интересная и важная, МИД в ней был очень заинтересован. Заинтересовалась этой фигурой и наша разведка. Было принято решение о его вербовке, но ждали, когда это можно будет сделать не в Париже, а на территории какой-нибудь нейтральной страны.

События не заставили себя долго ждать. Одно из заседаний Исполнительного совета ЮНЕСКО должно было состояться в Советском Союзе — в Тбилиси. Туда и съехались все зарубежные гости.

Готовился к проведению операции по вербовке американца и КГБ. Первый главк (разведка), который заблаговременно продумывал все, хотел провести вербовку спокойно и с достоинством. Но, как обычно, в ход событий вмешался злой рок. И в КГБ не все шло так гладко, как изображалось на бумаге. Соперником Первого главка по многим направлениям всегда был Второй (контрразведка). Так случилось и в данном случае. Контрразведчики решили опере-

дить разведчиков и первыми снять сливки успеха, проведя операцию по-своему. И вот что из этого вышло.

Не успел Варварив прилететь в столицу Грузии и разместиться в гостинице, как в его номер буквально ворвались несколько человек. Представились: «Мы из органов». И старший тут же начал излагать существо дела. Он говорил: «Мы знаем, что Вы — военный преступник, бежавший с территории Украины. Знаем также, что Вы сейчас работаете в ЦРУ. Предлагаем сотрудничество: мы Вас сейчас выпустим, но в обмен Вы будете на нас работать». «Разрешите подумать до завтрашнего дня. Завтра дам ответ», — сказал американец. Они разрешили и удалились. Но забыли отключить телефон. И как только за дверью стихли шаги, он заказал Москву, американское посольство. Через несколько минут о налете советских спецслужб на гражданина США стало известно американскому послу в Москве. Он немедленно сделал соответствующее представление в МИД СССР. Разразился международный скандал.

Американца в 24 часа выдворили из Тбилиси за пределы Советского Союза. А вся эта история попала на страницы «Литературной газеты». Когда у властей оказывалось рыльце в пуху, а репутация подмоченной, официальные органы «Правда» и «Известия» набирали в рот воды. В атаку шла «Литературка». Репортеры из этой газеты умели черное представить белым, оправдать любые промахи или ошибки, а поражения или провалы представить в виде побед. Так общественность узнала о «кровавом палаче», «бандеровце», «американском лазутчике и шпиёне», который забрался в наш советский огород, но благодаря «бдительности» наших «славных чекистов» вовремя был «выслежен» и «обезврежен» путем экстрадиции — выдачи властям его страны. Однако в Штатах никто этого «преступника» судить не собирался. Наоборот. Его наградили одним из высших орденов Соединенных Штатов, выдали большую денежную премию, предоставили хороший отпуск, а затем... вернули на прежнее место работы в парижскую штаб-квартиру ЮНЕСКО.

Как раз в это время я получил строжайшее указание воздержаться от каких бы то ни было контактов с ним. Вы можете представить, какво было мне выполнять это требование, когда мы с ним работали в одной организации — ЮНЕСКО и в любой момент могли встретиться нос к носу. Так и случилось.

Однажды в Женеве — там проходило очередное заседание в рамках ЮНЕСКО — во Дворце Наций я стоял у лифта. Совершенно неожиданно к тому же лифту подходит он. Мы посмотрели друг на друга, конечно, узнали, но не проронили ни слова. Ни я, ни он. Подошел лифт. Вошли и, пока ехали вверх, не произнесли ни звука. Даже не поздоровались, даже не кивнули головами. Он — от обиды, я — по инструкции.

Мог бы я ему объяснить все, что произошло? Наверное, мог бы, если бы не был связан гипертрофированной подозрительностью своего руководства, если бы нам, как, например, американцам, было позволено сказать спокойно в адрес вышестоящего: «Мой начальник — дерьмо. Поскольку он не поладил с начальником соседского департамента, получилась вот такая белиберда. Извини за наших идиотов и давай выпьем по чашечке кофе». Может, и вернулось бы все на круги своя.

Однако история не знает сослагательного наклонения. Вскоре Варварив был отозван из Европы в Америку. А через несколько месяцев я узнал, что он погиб в автомобильной катастрофе. Могу высказать только предположение: видно, ЦРУ перестало ему доверять...

МЖМП. Разрешите задать Вам еще один нетривиальный вопрос. После смерти Черненко много было разговоров, кто будет следующим Генсеком ЦК КПСС. В этой связи многие называли Громыко. Что Вам известно по этому поводу? Обсуждалась ли эта кандидатура на знаменитом заседании Политбюро, которое продолжалось очень долго?

А.С.Пирадов. Действительно, он был человеком номер два в кремлевской иерархии при Черненко. О том, что случилось на том заседании Политбюро, а потом на Пленуме ЦК, никогда не говорил. Так что я ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи, как дипломат, который обязан верить точным фактам, не могу. Единственно, что знаю наверняка, так это то, что именно он поддержал кандидатуру Горбачева на пост Генсека и его слово — слово Громыко — сыграло решающую роль в обсуждении при окончательном выборе кандидата. Горбачев стал Генсеком, а Громыко получил почетный, но малозначащий в системе государственно-партийных органов того периода пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

МЖМП. То, о чем Вы рассказываете, очень интересно и об этом никогда не упоминалось в нашей печати. А теперь все-таки по традиции хотелось бы спросить Вас о будущем ООН. Каким Вы его видите?

А.С.Пирадов. Будущее ООН — светлое. Эта организация, несмотря на все нападки на нее, будет процветать, делать свое дело по поддержанию мира и безопасности на планете, если она будет выполнять Устав ООН, свой Устав. Пожелаем же ей большого плаванья и семь футов под килем.

Интервью взято в сентябре 1995 года.